

*А.М. Лобанов**

ЭТО НЕПРАВИЛЬНЫЕ ФРАНЦУЗЫ: УРОЖЕНЦЫ ФРАНЦИИ НА СЛУЖБЕ ЛАНКАСТЕРСКОЙ МОНАРХИИ (1417–1450)

Успехи англичан в 1410–1420-х гг., последовавшие за возобновлением Столетней войны, были обусловлены не только их военным превосходством, но и в не меньшей степени тяжелым политическим кризисом во Франции, при котором стало возможным провозглашение по договору в Труа (1420) английского короля наследником французского трона. В 1420-е гг. английские притязания на корону Франции получили определенную поддержку среди французов и привели некоторых из них на службу Ланкастерской династии. В статье на примере некоторых из так называемых «лжефранцузов», уроженцев Франции, служивших Ланкастерам, рассматриваются пути и причины, приведшие их к этому, их роль в процессе управления, а также их судьба после франко-бургундского договора в Аррасе (1435), положившего конец англо-бургундскому союзу и надеждам Ланкастеров объединить Францию под своей властью.

Ключевые слова: история Франции, Столетняя война, Ланкастерская династия, лжефранцузы

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-40-59

Анонимный автор «Хроники Кордельеров» открывает свой рассказ об осаде Орлеана словами: «В начале ноября месяца [1428 г.] был осажден город Орлеан графом Солсбери с большим войском англичан и французов»¹. «Дневник осады Орлеана» представляет те же события в более привычном нам сегодня виде, утверждая, что в войске графа Солсбери были «...как англичане, так и другие, *неправильные французы (faulx François)*, державшие их сторону»². Очевидно, симпатии авторов принадлежали разным

* Александр Михайлович Лобанов, PhD, внештатный научный сотрудник Саутгемптонского университета.

¹ «A l'entree du mois de novembre fu le siege mis devant la ville orleans par le Conte de salsebery a grand compaignie d'engles et franc[ois]», BNF, MS. Français 23018, f. 482v. Сохранилась единственная рукопись этой хроники, попавшая во Французскую национальную библиотеку из монастыря кордельеров – отсюда ее название. Один из немногих исторических нарративов, созданных в Ланкастерской Франции, она до сих пор издана лишь частично.

² Journal du siège d'Orléans 1428–1429 augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville 1429–1431 / Éd. par P. Charpentier et Ch. Cuissar. Orléans, 1896. P. 4.

сторонам в конфликте, ныне известном как Столетняя война, однако оба они отметили, что осаждавшая Орлеан армия не была чисто английской по составу. Конец 1428 г. стал высшей точкой английских успехов в Столетней войне: власть Генриха VI Ланкастера, короля Англии и Франции, признавали, хотя бы номинально, практически во всех французских землях к северу и востоку от Луары, а за нею в английской Гаскони. Но в чем именно состоял этот успех? Простое сопоставление численности населения Англии и Франции наводит на мысль, что он не мог быть достигнут чисто военными средствами и не стал бы возможен без определенной поддержки местного, французского населения. Следует, однако, делать различие между лояльностью к режиму и активной деятельностью на службе ему, будь то административной, судебной или военной. Именно о тех уроженцах Франции, которые в 1420–1440-е гг. проявили себя на службе Генриху V и затем Генриху VI, и пойдет речь в этой статье.

Необходимо также уточнить терминологию, поскольку в рамках данной темы восприятие Столетней войны как войны между англичанами и французами представляется не вполне корректным, что отчасти иллюстрируют и приведенные выше цитаты. Конфликт на территории Франции в 1420–1440-х гг. будет рассматриваться здесь как борьба между сторонниками двух политических проектов: создания двуединой монархии Франции и Англии под властью династии Ланкастеров и сохранения на французском троне династии Валуа в лице дофина Карла, впоследствии ставшего Карлом VII. Термины же «англичанин» и «француз» будут оставлены для характеристики происхождения отдельных персонажей, а не их политических симпатий.

Военные и политические успехи Генриха V в 1415–1420 гг., увенчавшиеся заключением договора в Труа, который провозгласил английского короля наследником французского трона, стали возможны благодаря глубокому кризису французской монархии в начале XV в. Тридцатилетнее безумие короля Карла VI создало почву для борьбы за власть между принцами из Орлеанского и Бургундского домов. Точкой невозврата здесь стало убийство 23 ноября 1407 г. бургиньонами брата короля – Людовика, герцога Орлеанского. В течение нескольких лет родственники убитого во главе с графом Арманьяком пытались добиться правосудия, но в итоге обратились к силе. В 1410-е гг. обеими сторонами был предпри-

нят ряд военных походов друг против друга, но конфликт не приблизился к разрешению. В июле 1419 г. двум партиям вроде бы удалось договориться о примирении перед угрозой продолжающегося английского вторжения. Однако 10 сентября 1419 г. во время встречи бургундского герцога Жана Бесстрашного с дофином Карлом на мосту в Монторо герцог был зарублен арманьяками из свиты дофина, и путь к примирению оказался надолго закрыт.

Затяжной конфликт оказал существенное влияние на институты власти в королевстве. Если в начале 1410-х гг. борьба партий велась за контроль над королем и право действовать от его имени, то с 1417 г. в стране имелось два центра власти. Пока Париж вместе с Карлом VI был в руках арманьяков, бургундский герцог Жан Бесстрашный создал в Труа альтернативное правительство с королевой Изабеллой Баварской во главе. В мае 1418 г. Париж открыл ворота бургиньонам, и в их руках оказались и король, и столица. Остатки обезглавленной партии арманьяков бежали за Луару, увозя с собой дофина Карла, отныне являвшегося единственным источником их легитимности, и учредили свою администрацию в Бурже и Пуатье³. Фактически французское королевство оказалось расколото надвое, хотя границы между этими частями не были четко проведены, и к 1420 г. лояльность по отношению к той или иной партии уже на протяжении нескольких лет была предметом коллективного и личного выбора.

В то же время будущее династии Валуа в 1420 г. едва ли внушало оптимизм: двое сыновей Карла VI – дофин Людовик, герцог Гиеньский, и Жан, герцог Туреньский, – умерли один за другим в 1415 и 1417 гг. соответственно. Младшего из сыновей Карла VI, дофина Карла, в тот момент вряд ли можно было считать самостоятельной политической фигурой. Присутствие дофина при убийстве на мосту в Монторо означало, что тот либо нес за него ответственность, как это сочли в англо-бургундской Франции⁴, либо являлся марионеткой в руках арманьяков, что впоследствии было фактически признано Аррасским договором 1435 г., переложившим ответственность с самого Карла VII на его плохих советни-

³ См. *Цатурова С.К.* Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // *Человек XV столетия: грани идентичности.* М., 2007.

⁴ Дофин был еще 17 января 1420 г. отстранен от наследования в связи с причастностью к убийству в Монторо (*Ordonnances des rois de France de la troisième race.* P., 1777. Vol. 12. P. 273–277). Это позволяло Карлу VI, не имевшему другого прямого наследника, передать корону Франции Генриху V. – *Фавье Ж.* Столетняя война. СПб., 2009. С. 441.

ков⁵. Таким образом, в 1420 г. каждый из кандидатов на французский трон имел свой «недостаток»: один был если не убийцей, то соучастником убийства, второй – Генрих V – англичанином.

В этом непростом для французов выборе важным фактором являлась личность английского короля. Генрих V предстал перед жителями Франции завоевателем, однако не таким, как его предшественники. Считая Нормандию, а затем и Францию в целом своим законным владением, он не стремился к разорению французских земель, но, напротив, принимал меры к ограничению грабежей, защищал собственность церкви и тех людей, кто присягнул ему на верность. Английский король старался поддерживать дисциплину в своих войсках, что выгодно отличало их от отрядов арманьяков и бургиньонов. В 1417 г. автор «Дневника парижского горожанина» записал со слов тех, кому довелось побывать пленниками всех трех партий, что англичане обращались с пленными лучше, чем бургиньоны, а те много лучше, чем арманьяки⁶. В то же время Генрих поступал безжалостно с теми, кто оказывал ему сопротивление. Кан, первый крупный город, осажденный в кампании 1417 г., был взят штурмом и отдан на разграбление, послужив примером устрашения. Во время осады Руана, когда осажденные попытались избавиться от лишних ртов, Генрих V отказался пропустить их через свои позиции, оставив погибать от голода в городских рвах на виду у гарнизона⁷.

Генрих был известен как строгий, но беспристрастный судья, ставивший закон выше личных привязанностей. В условиях, когда обе воюющие партии творили бессудные расправы, подрывая авторитет королевского правосудия и королевской власти в целом, Генрих V выглядел человеком, способным железной рукой навести порядок в королевстве. В то же время его личное благочестие, твердость в борьбе с еретиками и успехи английской церковной дипломатии на Констанцском соборе, положившем конец Великой схизме католической церкви, очевидно, также повышали его авторитет.

Достоинства английского короля признавали даже противники. Жан Шартье, официальный историограф Карла VII, позже писал о Генрихе V: «Это был <...> жестокий и весьма суровый судья,

⁵ Les grandes traités de la Guerre de Cent Ans / Éd. par E. Cosneau. P., 1889. P. 125.

⁶ Journal d'un bourgeois de Paris, 1405-1449 (далее – Bourgeois) / Éd. par A. Tuetey. P., 1881. P. 83.

⁷ Sumpston J. The Hundred Years War. Vol. 4. Cursed Kings. L., 2015. P. 533-534, 602.

которого хорошо слушались его подданные, умелый завоеватель, искусный в военном деле, украшенный различными достойными качествами и добродетелями»⁸. Подобная характеристика встречается и у Персиваля де Каньи, хрониста герцога Алансонского, который добавляет: «Многие из его противников, французов, и из тех, кто держал его сторону, говорили <...>, что, если бы он остался жив и здрав рассудком, он бы завоевал все королевство...»⁹.

Пути, приводившие французов на службу двуединой монархии Ланкастеров, были достаточно разнообразны. Для некоторых уроженцев Франции или франкоязычных земель это стало естественным продолжением их службы английской короне. Здесь в первую очередь речь идет об уроженцах Гаскони, как Гильотен и Мондо де Лансак (Lansac), Луи д'Эпуа (Despoy) и другие. Вероятно, наиболее успешной была карьера Берара де Монферрана (Montferrand), сеньора де Гассак. Он в 1422 г. присоединился к дому герцога Бедфорда, став его камергером и доверенным советником. Происхождение и прежние связи Монферрана обусловили его участие в ряде дипломатических миссий в Бретани¹⁰, а также в Южной Франции и на Пиренеях. Ему были пожалованы земли в Нормандии, он стал членом Королевского совета в герцогстве, капитаном ряда гарнизонов, и даже женился на уроженке Нормандии, однако к середине 1440-х гг. вернулся в Гасконь¹¹.

Другой пример – братья Жан и Луи де Робсар (Robessart или Robersart), выходцы из Эно, чья семья совмещала службу местным графам и английским королям еще со времен Эдуарда III. Вероятно, вследствие их происхождения братьям доверяли весьма деликатные поручения: Луи в 1419–1420 гг. принимал участие в дипломатической подготовке договора в Труа, а Жан в 1421 г. организовал бегство в Англию Якобы (Жаклин) Баварской, графини Эно, Голландии и Зеландии. Эта служба была вознаграждена: оба были приняты в английское подданство и вошли в число рыцарей ордена Подвязки, Луи стал генеральным смотрителем вод и лесов Нормандии и капитаном Кодебека, Жан – сеньором Сен-Совер-

⁸ Chronique de Charles VII Roi de France par Jean Chartier / Éd. par [A.] Vallet de Virville. Nouv. éd. P., 1858 (далее – Chartier). Vol. 1. P. 6.

⁹ Chroniques de Perceval de Cagny / Éd. par H. Moranville. P., 1902 (далее – Cagny). P. 126.

¹⁰ Монферран начал свою карьеру в доме Жанны Наваррской, второй жены Генриха IV, которая была вдовой бретонского герцога Жана IV (ум. 1399) и матерью Жана V, герцога Бретонского в 1399–1442 гг.

¹¹ *Straford J. The Bedford Inventories. The worldly goods of John, duke of Bedford, regent of France (1389-1435). L., 1993. P. 414-417.*

ле-Виконт. Позже его сын, также Жан, был капитаном Сен-Ло, Валони и Карантана. В 1430 г. и Жан-старший, и Луи участвовали в коронационной кампании Генриха VI, где 26 ноября Луи погиб в стычке близ Конти в Пикардии, когда английский отряд, шедший на помощь бургундцам, был разбит дофинистами¹².

Второй (хронологически) категорией уроженцев Франции, оказавшихся на службе у английского короля, стали жители Нормандии, принявшие английское завоевание. Жителям сдававшихся городов, как правило, предлагался выбор между присягой новой власти и изгнанием. Однако вскоре стали прилагаться усилия по возвращению бежавших: в 1418–1419 гг. неоднократно объявлялось, что все желающие могут в указанный срок вернуться, принести клятву верности и получить свою собственность обратно¹³. Эти меры не остались без ответа, что подтверждает судьба хрониста Тома Базена: в 1417 г. родители увезли его в Бретань, однако уже в 1419 г. его семья вернулась в Кодебек. Сам Тома начал свою духовную карьеру с учебы в Париже (1424–1430) и бургундском Левене (1434–1437), в 1441 г. стал каноником в Руане и профессором канонического права в основанном герцогом Бедфордом университете Кана, а в 1447 г. – епископом Лизье¹⁴. Нормандские свитки английского казначейства за правление Генриха V содержат около 5000 имен тех, кто присягнул новой власти и был восстановлен в своих земельных владениях¹⁵.

Заключение 21 мая 1420 г. договора в Труа обозначило новый этап в отношениях с населением Франции. Теперь все население территорий, подвластных бургиньонскому правительству в Труа и Париже, как и вся королевская администрация (кроме тех, кто отказался признать договор), оказались подчинены Генриху V, но как регенту Франции, а не как английскому королю, и этот переход власти произошел достаточно спокойно. Отмечается, что, в отличие от захвата Парижа бургундцами в 1418 г., переход его под власть англичан два года спустя не вызвал сколь-нибудь значительного от-

¹² *Bonenfant P.* Les Robersart. Seigneurs hennuyers au service des rois d'Angleterre (1326-1450) // *Bonenfant P.* Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles, 1996. P. 342-348.

¹³ *Allmand C.T.* Henry V. L., 1992. P. 193-195; *Barker J.* Conquest: The English kingdom of France in the Hundred Years war. L., 2009. P. 53.

¹⁴ *Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X.* Jeanne d'Arc. Histoire et Dictionnaire. P., 2012. P. 544-545; *Fiasson D.* Un chien couché au pied du roi d'Angleterre? Robert Jolivet, abbé du Mont Saint-Michel (1411-1444) // *Annales de Normandie.* 2014. T. 64. P. 52-53.

¹⁵ *Newhall R.A.* The English conquest of Normandy 1416-1424: a study in fifteenth century warfare. N.-Y., 1971. P. 211.

тока населения в земли, контролируемые дофином¹⁶. Признанию договора в Труа способствовало то, что предлагаемое решение политического кризиса во французском королевстве исходило от короля Франции и не было неправомерным. Также оно не предполагало национального унижения: скорее уж английское королевство рисковало оказаться на периферии двуединой монархии¹⁷.

К 1420 г. война с англичанами шла уже пять лет, и, несомненно, у некоторых бургиньонов были к ним счеты, однако они не всегда оказывались определяющим мотивом при выборе. Так, хронист Жан де Ваврен (Wavrin) потерял отца и единокровного брата в битве при Азенкуре, но это не помешало ему в 1420-е гг. сражаться на ланкастерской стороне, а многие годы спустя посвятить свой *opus magnum* английской истории¹⁸. Гильбер де Ланнуа (Lannoy), в том сражении чудом спасшийся во время избиения французских пленников, в 1420 г. вместе с англичанами осаждал Монторо и Мелен, совершил в 1421–1423 гг. путешествие через Восточную Европу и Русь на Ближний Восток по поручению Генриха V и Филиппа Доброго, и при дворе последнего (как и его брат Хью) считался англофилом¹⁹. Напротив, Жак д'Аркур (Harcourt), капитан Ле Кротуа, граф Танкарвиль по праву супруги, чье нормандское графство было захвачено, конфисковано и передано английскому рыцарю сэру Джону Грею Хитонскому (Grey of Heton), не стал искать реституции или компенсации. В 1421 г. он перешел на сторону дофинистов и несколько лет оспаривал у англичан и бургундцев контроль над устьем Соммы²⁰. Наконец, многие бургиньоны после 1420–1422 гг. предпочитали герцогскую службу королевской. Таким образом, даже среди бургундской партии поддержка договора в Труа и поступление на службу английским регентам оставалось вопросом личного выбора.

С другой стороны, на службу Ланкастерам поступили некоторые бывшие бургиньоны, чьи связи с Бургундским домом оказа-

¹⁶ Thompson G.L. Paris and its People under English Rule. Oxford, 1991. P. 10.

¹⁷ Аргументация, что Карл VI был не вправе по своему усмотрению передать корону Франции, будет сформулирована уже в ответ на договор в Труа в окружении Карла VII. – Favier J. Pierre Cauchon: comment on devient le juge de Jeanne d'Arc. P., 2010. P. 12-13, 322; Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 97.

¹⁸ Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 468-469.

¹⁹ Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / Éd. par Ch. Potvin. Louvain, 1878. P. 51-52, 161-162.

²⁰ Sumption J. Op. cit. P. 726.

лись разорваны. Так, Ги Ле Бутилье (Le Bouteillier) в 1418–1419 гг. командовал упорной обороной Руана против англичан, однако после сдачи города и еще за полтора года до договора в Труа присягнул Генриху V. Вероятно, бывший капитан Руана полагал, что Жан Бесстрашный предал его, не придя на помощь осажденному городу²¹. Став сеньором де Ла Рош Гюйон (La Roche Guyon) в Нормандии, Ги Ле Бутилье принимал участие в ряде военных кампаний, до конца своих дней сохранил верность Ланкастерскому режиму и, по-видимому, не имел никаких связей с новым бургундским герцогом, Филиппом Добрым²².

Другой пример – Рено IV де Бетанкур, известный под именем Морле (Morelet de Béthencourt), выходец из Нормандии, поступивший на службу Бургундскому дому еще в конце 1390-х гг. При Жане Бесстрашном он некоторое время занимал должность первого метрдотеля (*premier et grand maître d'hôtel*) герцога Бургундского и сражался на его стороне против льежцев и арманьяков²³. Однако в 1414 г. он оказался заключен бургундским герцогом в тюрьму за разбой, откуда вышел лишь в 1419 г., помилованный при торжественном въезде Филиппа Доброго в Лилль. Он был, тем не менее, изгнан из бургундских земель и его дальнейшая карьера оказалась связана с Парижем, где в 1421 г. он стал заместителем Томаса Бофора, герцога Экзетера и капитана города, а с 1426 г. – рыцарем городской стражи (*chevalier du guet*), и занимал эту должность до потери Парижа в 1436 г.²⁴

Некоторые делали выбор в пользу Ланкастерского режима и после успехов Жанны д'Арк и коронации Карла VII в 1429 г. Тома де Сен-Ло, аббат монастыря Бланшланд на полуострове Котантен, бежал в Бретань еще в 1417 г., и только в 1430 г. вернулся в Нормандию и принес присягу²⁵. Необычен случай Ги де Неля (Nesle), сеньора д'Оффемон (Offémont), который в начале 1420-х был одним из лидеров тех, кто отверг договор в Труа и продолжил сражаться против англичан. Летом 1421 г. он вместе с Жаком д'Аркурром захватил Сен-Рикье на границе Артуа и Понтье и успешно оборонял

²¹ Roger J.-M. Guy Le Bouteillier // *La guerre et la paix, frontières et violences au Moyen Age. Actes du 101e congrès national des sociétés savantes*, Lille 1976. P., 1978. P. 293-295.

²² Ibid., P. 295-306.

²³ Schnerb B. Morelet de Béthencourt. Service, carrière et délinquance en milieu de cour // *Revue du Nord*. 2009. N 380. P. 452.

²⁴ Schnerb B. Op. cit. P. 468-470.

²⁵ Barker J. Op. cit. P. 59.

его против бургундских войск Филиппа Доброго, сдав город лишь в конце года в обмен на освобождение своего брата Луи и ряда других пленников, захваченных бургундским герцогом в сражении при Монс-ан-Виме²⁶. В начале 1422 г. Ги де Нель попал в плен к англичанам при попытке проникнуть с небольшим отрядом в осажденный войсками Генриха V город Мо²⁷. Впрочем, вскоре он принес клятву верности, получил в июле 1422 г. грамоту о прощении (*lettre de remission*) и был восстановлен в своих владениях²⁸. А в 1430-х гг., когда расцвет ланкастерского режима уже миновал, Ги де Нель оказался на службе у Филиппа Доброго против дофинистов в качестве капитана города Клермон-ан-Бовези в 1432–1434 гг.²⁹

Говоря о месте уроженцев Франции в ланкастерской администрации, следует начать с истории ее складывания. В 1415 г. единственным территориальным приобретением англичан стал Арфлер, включенный в административную систему английского королевства³⁰. Вновь высадившись в Нормандии в августе 1417 г. и одержав первые успехи, Генрих V уже с начала 1418 г. занялся реорганизацией управления захваченными землями. Апеллируя к местному партикуляризму, он возродил ряд институтов, существовавших при герцогах Нормандских, таких как казначейство и палата счетов в Кане или должность сенешаля, включив их в действовавшую до завоевания административную систему. На центральные посты канцлера, генерального казначея, сенешаля, начальника вод и лесов, адмирала были назначены верные люди, прибывшие с Генрихом из Англии. Англичане были также назначены королевскими представителями в округах, бальи (*bailli*), и капитанами гарнизонов, но должности более низкого уровня остались преимущественно в руках местных уроженцев. К 1420 г. эта система охватывала все нормандские бальяжи (Алансон, Кан, Ко, Котантен, Руан, Эвре) и завоеванные территории за пределами Нормандии (*pays de conquête*), включавшие бальяжи Жизор и Мант³¹.

²⁶ *Sumption J.* Op. cit. P. 743-744.

²⁷ *Ibid.* P. 752.

²⁸ AN. JJ 172. № 117.

²⁹ *La Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400-1444 / Éd. par L. Douet d'Arcq. 6 vols. P., 1857-1862 (далее – Monstrelet). Т. 5. P. 19, 103.*

³⁰ *Curry A.* L'administration financière de la Normandie Anglaise: continuité ou changement? // *La France des principautés: les chambres des comptes XIVe et XVe siècles / Éd. par Ph. Contamine et O. Mattéoni. P., 1996. P. 84-88.*

³¹ *Newhall R.A.* Op. cit. P. 153-154, 159-162; *Allmand C.T.* Op. cit. P. 187-188; *Калмыкова Е.В.* Указ. соч. С. 262.

Новым этапом стал договор в Труа, предусматривавший сохранение существовавших во Франции институтов³². Благодаря ему, в распоряжении нового регента Франции оказался распределенный между Труа и Парижем административный аппарат, с 1417–1418 гг. укомплектованный бургиньонами. При жизни Генриха V в этой системе присутствовал и английский элемент: пожалования и распоряжения, связанные с управлением Нормандией, фиксировались в Нормандских свитках английского казначейства (ныне фонд TNA. С64), тому же казначейству были подотчетны гарнизон Арфлера (до января 1420 г.³³) и дом английского короля, впрочем, по мере завоевания Нормандии, все более обращавшийся к местным финансовым ресурсам. Окончательно о складывании ланкастерской администрации во Франции можно говорить с конца 1422 г., когда после смерти Генриха V управление двумя королевствами Ланкастеров было разделено, и во главе Французского королевства встал английский регент Джон, герцог Бедфорд. Хотя договор в Труа предусматривал возвращение Нормандии в состав Французского королевства³⁴ и некоторые воссозданные Генрихом V институты были ликвидированы в середине 1420-х гг., герцогство осталось оплотом власти Ланкастеров³⁵.

Это деление особенно заметно на примере королевского совета, ответственного за принятие важнейших политических, дипломатических и военных решений. Он фактически существовал в двух экземплярах, где совет «в Нормандии» (à Rouen или en Normandie) дополнял совет в Париже. Как показала Б. Роу, в обоих советах англичане вовсе не имели численного преимущества, по крайней мере при герцоге Бедфорде (1422–1430, 1432–1435): «в королевском совете настолько преобладали французы, что в ряде отношений, регентство Бедфорда представляется простым продолжением бургундского правления, установленного в 1418 г.»³⁶. Впрочем, серьезных разногласий между регентом и назначенными им советниками не отмечается, члены обоих советов стали наиболее доверенными агентами ланкастерского режима³⁷. С начала 1430-х гг.

³² Les grandes traités... P. 105-106.

³³ Curry A. Op. cit. P. 93.

³⁴ Les grandes traités... P. 109.

³⁵ Rowe B.J.H. The Grand Conseil under the duke of Bedford, 1422-35 // Oxford essays in medieval history presented to H. E. Salter. Oxford, 1934. P. 215-216; Калмыкова Е.В. Указ. соч. С. 266.

³⁶ Rowe B.J.H. Op. cit. P. 207, см. также: Ibid. P. 210-214, 216-217.

³⁷ Ibid. P. 218-219.

совет все чаще заседал в Руане, а в 1434 г., еще до потери Парижа, это было закреплено объединением двух советов, и Руан окончательно стал главным центром ланкастерской власти³⁸.

Модель двуединой монархии Англии и Франции не предусматривала объединения финансовых ведомств двух королевств. Начиная с 1422 г. ланкастерский режим во Франции был вынужден полагаться на местные ресурсы, и Нормандия стала для него важнейшим источником средств. При этом в финансовой администрации Нормандии англичане занимали лишь несколько ключевых должностей, таких как пост генерального казначея (*trésorier-général*) и контролера ведомства поступлений (*controleur de la recette*)³⁹. На других должностях, включая должность генерального сборщика финансов (*receveur-général des finances*), производившего большинство денежных операций, находились выходцы из Франции. Уже к 1422 г. генеральным сборщиком в Нормандии стал уроженец Санса Пьер Сюрро (*Surreau*), сохранивший свой пост вплоть до смерти в 1435 г. и в конце жизни совмещавший его с должностью генерального казначея (вместе с англичанином Джоном Стэнло (*Stanlaw*)⁴⁰. Его преемником в качестве генерального сборщика финансов Нормандии стал Пьер Байль (*Baille*), прежде сборщик финансов в Париже, а затем служивший у герцога Бедфорда в его графстве Мэн. Он оставался генеральным сборщиком с небольшим перерывом до 1449 г.⁴¹

Источники о финансовой администрации за пределами Нормандии весьма скудны, однако встречающиеся имена чиновников определенно принадлежат французам, чье прошлое часто связано с бургундской партией. Так, Андре д'Эпернон (*Espernon*), сын парижского буржуа, был купеческим прево во время восстания кабошьенов в 1413 г., а позже стал эшевенем. В 1422–1423 гг. он был менялой казначейства (*changeur de trésor*) в Париже, а в 1427 г. сменил умершего Бенуа Колено (*Colenot*) на посту военного казначея (*trésorier des guerres*)⁴². Преемником д'Эпернона в этой должности стал Пьер Наржо (*Narjo*), ранее состоявший на службе у герцога

³⁸ Ibid. P. 218.

³⁹ Roger J.-M. Simon Morhier en Normandie // Bulletin philologique et historique. 1980. P. 106 n. 48.

⁴⁰ Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Jeanne d'Arc. Histoire et Dictionnaire. P., 2012. P. 999-1001.

⁴¹ См.: Stratford J. The Bedford Inventories. P. 404.

⁴² См.: BNF. MS. Fr. 4484 f. 9r; Bourgeois. P. 28 n. 4.

Бургундского⁴³. Генеральным сборщиком финансов в Шампани и Бри был Жан де Бетизи (Bethizy), ранее секретарь Карла VI⁴⁴. Во главе палаты счетов (*chambre des comptes*) стоял Луи де Люксембург, епископ Теруанна, а когда в 1425 г. он сделался канцлером Франции, на смену ему пришел Жан де Майли (Maily), епископ Нуайона⁴⁵.

Высший суд королевства, парижский парламент, на протяжении всего периода английского господства в Париже (1420–1436) избежал английского присутствия, по-видимому, в силу сложившейся практики кооптации новых членов, а также в связи с отсутствием у иностранцев необходимой компетенции в законах и обычаях французского королевства и отдельных его частей. В силу этого парламент оказался в определенной оппозиции английскому регенту и его Совету, неоднократно оспаривая их решения, когда таковые шли вразрез с обычаями королевства или наносили ущерб короне⁴⁶.

Выполнение на местах решений, принятых в Совете, делегировалось королевским представителям – бальи и сенешалям, сочетавшим в своих руках судебные, налоговые и военные полномочия⁴⁷. В Нормандии Генрих V раздал эти должности англичанам, однако за пределами герцогства и *pays de conquête* он придерживался иной политики, и, когда вскоре после договора в Труа в ряд бальяжей были назначены новые бальи, все они были уроженцами Франции. Этот принцип поддерживался и в последующие годы: если среди 50 человек, занимавших в 1417–1450 гг. в Нормандии должность бальи, фигурирует лишь один француз, то в бальяжах «англо-бургундской» Франции английских бальи, по-видимому, не было вовсе⁴⁸.

⁴³ Квитанции от его имени: BNF. MS. Clairambault 34, no. 139 (15 июня 1430 г.); 11, no. 36 (24 октября 1430 г.); 159 (11 ноября 1430 г.); 93, no. 53 (28 июня 1431 г.). См. также: BNF. MS. Bourgogne 29. F. 190r.

⁴⁴ Его квитанции в этой должности: BNF, MSS. Clairambault 948, f. 67 (28 февраля 1424 г.); Clairambault 76, nos. 21-23 (28 мая – 31 июля 1424 г.).

⁴⁵ *Contamine Ph.* et al. Op. cit. P. 836-837, 841.

⁴⁶ *Цатурова С.К.* Офицеры власти... С. 138-154.

⁴⁷ *Curry A.* The *baillis* of Lancastrian Normandy: 'English men wearing French hats' // The Plantagenet Empire, 1259-1453. Donington, 2016. P. 360-361.

⁴⁸ *Ibid.* P. 364; *Dupont-Ferrier G.* Gallia Regia ou État des Officiers Royaux des Bailliages et des Sénéchaussées de 1328 à 1515. T. 1. P. 61-62 (Амьен), 203-204 (Осепп); T. 2. P. 123-124 (Шартр), 152 (Шомон); T. 4. P. 12 (Макоп), 95-97 (Мо), 128 (Мелен); T. 5. P. 358 (Сен-Пьерле-Мутье), 387-388 (Санлис), 443-444 (Санс); T. 6. P. 65-66 (Труа), 122-123 (Вермандуа), 177 (Витри).

Бальи играли важную роль в военных предприятиях как лично командуя воинскими контингентами, так и контролируя их численность и укомплектованность в ходе смотров. Однако в военной сфере французы занимали и более высокие посты: в январе 1422 г. бургиньоны Антуан де Вержи и Жак де Ла Бом были назначены маршалами Франции, а Хью де Ланнуа (Hue de Lannoy) – начальником арбалетчиков (*maître des arbalétriers*)⁴⁹. В 1432 г. маршалом Франции стал Жан де Вильер (Villiers), сеньор де Л'Иль-Адан (L'Isle-Adam), который уже с 1429 г. был также капитаном Парижа⁵⁰. За пределами Нормандии, Анжу и Мэна лишь несколько городов (Ле Кротуа, Монторо) постоянно имели английских капитанов, большинство же гарнизонов Пикардии, Шампани, Гатинэ и т.д. возглавляли французы.

Если в Нормандии большая часть командных постов находилась в руках англичан, то это не значит, что французам не доверяли участвовать в войне. Так, именно в Нормандии, границы которой постоянно были под угрозой, применялся военный призыв на основе феодальных обязательств (*semonce des nobles*), к которому между 1418 и 1443 гг. обращались не менее 50 раз⁵¹. Кроме того, как видно из свитков смотров, уроженцы различных регионов Франции служили в составе гарнизонов Нормандии и *pays de conquête*. После неудач 1429 г. был издан ряд разновременных распоряжений, требовавших, чтобы все солдаты в гарнизонах были англичанами, валлийцами, ирландцами или гасконцами, а позднее оговаривавших допустимые квоты солдат других национальностей или же конкретно французов и нормандцев. Впрочем, сам факт появления и повторения подобной регламентации указывает, во-первых, на то, что фактически число французов в гарнизонах Нормандии превышало установленные квоты, а во-вторых, на взаимную заинтересованность: французов в поступлении на военную службу, а капитанов на местах в их службе (даже несмотря на более высокий риск измены). Нормандцы и французы встречаются в английских гарнизонах вплоть до 1449 г.⁵²

⁴⁹ BL. MS. Additional 30581, fos. 39r-40v; Monstrelet. Т. 4. P. 80.

⁵⁰ Bourgeois. P. 283; Thompson G.L. Op. cit. P. 87.

⁵¹ Curry A. The *baillis* of Lancastrian Normandy... P. 361.

⁵² Curry A. Foreign Soldiers in English pay: identity and unity in the armies of the English crown, 1415-1450 // *Routiers et mercenaires pendant la guerre de Cent Ans* / Éd. par G. Pépin, F. Boutoulle, F. Lainé. Bordeaux. P. 312-315.

На протяжении своей истории ланкастерский режим во Франции столкнулся с несколькими серьезными кризисами, ставшими проверкой лояльности тех, кто ему служил. Первый был связан с поражениями под Орлеаном и в долине Луары и утратой большей части Шампани и Пикардии в 1429 г. Отправной точкой второго кризиса стал Аррасский договор, заключенный в сентябре 1435 г. и ознаменовавший примирение между бургундским герцогом Филиппом Добрым и Карлом VII. Наконец, кризис 1449–1450 гг. завершился изгнанием англичан из Нормандии.

Именно второй кризис наиболее интересен с точки зрения выбора, перед которым оказались французы на службе Ланкастеров. В 1429 г. решения о переходе на сторону Карла VII принимались, прежде всего, общинами «добрых городов» Шампани и Пикардии, однако нет свидетельств массового перехода на сторону династии Валуа чиновников, состоявших на службе Генриха VI. Напротив, франко-бургундское примирение в сентябре 1435 г. имело далеко идущие последствия. С одной стороны, Карл VII стремился подвести черту под распрями арманьяков и бургиньонов⁵³, объединить страну и предстать в роли наследника монархии Валуа, а не просто нового лидера арманьяков. С другой стороны, ланкастерский режим не показал себя способным восстановить порядок в королевстве и избавить подданных от бедствий войны и налогового гнета и, таким образом, не оправдал возлагавшиеся на него некогда надежды.

Решение Филиппа Доброго примириться с Карлом VII открывало этот путь для его вассалов и клиентов. Несколько сложнее было тем, кто совмещал службу герцогу со службой ланкастерским регентам. Так, на капитуле ордена Золотого Руна в Брюсселе в ноябре–декабре 1435 г. Жан, бастард де Сен-Поль, испрашивал совета, как поступить с пожалованной ему герцогом Бедфордом в 1429 г. сеньорией Монморанси и вассальной присягой за нее, данной Генриху VI во время визита того в Париж в 1431 г.⁵⁴ Сеньор де Л'Иль-Адан ставил вопрос о своем маршалстве, показательно сожалея, что не имел возможности заручиться согласием Филиппа Доброго, когда в 1432 г. должность была ему предложена Бедфордом⁵⁵. Очевидно, эти коллизии не были неразрешимы: уже в

⁵³ См. ст. 34–37, 41 договора. – *Les grandes traités...* P. 146–147, 149.

⁵⁴ *Die protokollbücher des ordens vom goldenen vlies. Band 1. Herzog Philipp der Gute 1430–1467 / Éd. par S. Dünnebeil. Stuttgart, 2002. P. 66.*

⁵⁵ *Ibid.* P. 67–68.

следующем году де Л'Иль-Адан принял участие в освобождении от англичан Понтуаза и Парижа⁵⁶. Когда Париж перешел в руки сторонников Карла VII, в состав центральных институтов власти (парламент, палата счетов) вошли как чиновники из Буржского королевства, так и те, кто ранее занимал соответствующие должности при Ланкастерах, но теперь последовал за бургундским герцогом⁵⁷.

Некоторые сторонники Ланкастеров, даже не связанные тесно с Филиппом Добрым, также сочли, что пришло время для примирения с Карлом VII. Перрине Грессар (Gressart), капитан Ла Шарите, некогда удержавший город против Жанны д'Арк, в ноябре 1435 г. сдал его Карлу VII в обмен на пожизненный пост капитана и ряд других должностей⁵⁸. В 1438 г. Гильом Брюлар (Brouillard), капитан Дре с 1431 г., сдал город просто за деньги⁵⁹. В то же время вооруженное сопротивление становилось для французов особо рискованным: часто при взятии штурмом городов или укреплений войсками Карла VII франкоговорящие (*ceux de la langue de France*) предавались смерти на месте, в то время как англичане могли рассчитывать на плен и впоследствии выкуп⁶⁰.

В этой ситуации на стороне Ланкастеров остались преимущественно те, чьи интересы были связаны с Нормандией, где вступало в активный возраст поколение, выросшее после английского вторжения, либо же те, кто, даже будь они прежде бургиньонами, с 1420 г. служили короне, а не герцогу, как Пьер Кошон, епископ Бове, затем Лизье⁶¹, или королевские секретари Лоран Кало (Calot) и Жан де Ринель (Rinel)⁶². Наиболее последовательным союзником англичан теперь оказался дом Люксембург-Линьи. Луи де Люксембург, епископ Теруанна, остался канцлером. В 1436 г. он стал архиепископом Руанским, а в 1439 г. – кардиналом. Кроме того, в 1437 г. он получил в управление английскую епархию Или, где он и был похоронен в 1443 г. Его племянница Жакетта, супруга, а затем вдова герцога Бедфорда (ум. 1435 г.), вскоре вышла замуж за его камергера Ричарда Вудвилла, став матерью бу-

⁵⁶ Фавье Ж. Указ. соч. С. 530-532.

⁵⁷ Там же. С. 534.

⁵⁸ Contamine Ph. et al. Op. cit. P. 740-741.

⁵⁹ Barker J. Op. cit. P. 259-260; Dupont-Ferrier G. Op. cit. Vol. 2. P. 143-144.

⁶⁰ Такие случаи отмечаются, например, при взятии Шато-Ландона (1437 г.) и при захвате английской бастиды, блокировавшей Дьеп (1443 г.). – Chartier. Vol. 1. P. 236; Vol. 2. P. 41.

⁶¹ Contamine Ph. et al. Op. cit. P. 601.

⁶² Ibid. P. 591-592, 956-958.

душей супруги Эдуарда IV, Елизаветы Вудвилл⁶³. Ее другой дядя Жан де Люксембург, граф Линьи, отказался признать Аррасский договор и занял враждебную позицию по отношению к Карлу VII. Его примеру последовали некоторые клиенты дома Люксембургов, как, например, Колар де Майли (Mailly), ланкастерский балый Вермандуа. Лишь после смерти Жана де Люксембурга в 1441 г. его племянник Луи, граф де Сен-Поль, признал власть Карла VII, а затем в том же году вместе с Коларом де Майли принял участие в борьбе против англичан в ходе осады Понтуаза⁶⁴.

Можно было бы ожидать, что после разрыва с бургундцами и утраты Иль-де-Франса французы в ланкастерской администрации Нормандии будут все более замещаться англичанами. Действительно, Луи де Люксембурга на посту канцлера сменил сэр Томас Ху (Hoo)⁶⁵, а Джон, лорд Толбот (Talbot), стал маршалом Франции в 1438 г. после того, как прежний маршал, сеньор де Л'Иль-Адан, перешел вместе с герцогом Бургундским на сторону Валуа⁶⁶. Однако не следует абсолютизировать эту тенденцию. Так, в финансовом ведомстве французы продолжали занимать ключевые посты. Симон Морье (Morhier), рыцарь из Шартрена, ранее королевский прево Парижа в 1423–1436 гг., перебравшись в Нормандию, сменил умершего Пьера Сюрро, став в 1438 г. одним из генеральных казначеев⁶⁷. Когда в 1444 г. Пьер Байль оставил пост генерального сборщика в Нормандии, на смену ему пришел Ремон Монфо (Monfaut), а в 1447 г. Байль вернулся на эту должность⁶⁸.

На всем протяжении существования ланкастерской Франции уроженцы Французского королевства занимали значительное место на различных уровнях во всех ветвях ее администрации. Пути и причины, приводившие этих людей на службу ланкастерской монархии, были достаточно разнообразны. Личные интересы, такие как стремление сохранить свои владения или сделать карьеру, сочетались с более сложными мотивами: верностью, выраженной в договоре в Труа воле Карла VI, законного короля Франции,

⁶³ *Pascual L.D.* Luxembourg, Louis de (d. 1443) // ODNB. Online edn. [Oxford,] 22.09.2011; *Ead.* Luxembourg, Jaquetta de, duchess of Bedford and Countess Rivers (c.1416–1472) // ODNB. Online edn. [Oxford,] 22.09.2011.

⁶⁴ Monstrelet. Т. 5. P. 461–462; Т. 6. P. 8.

⁶⁵ *Barker J.* Op. cit. P. 356.

⁶⁶ *Contamine Ph.* et al. Op. cit. P. 1004.

⁶⁷ *Roger J.-M.* Simon Morhier en Normandie // Bulletin philologique et historique. 1980. P. 106–117.

⁶⁸ *Roger J.-M.* Simon Morhier... P. 110 n. 2.

поддержкой своего патрона, будь то Филипп Добрый или Жан де Люксембург, или же, например, в Нормандии, местным партикуляризмом. Парадоксально, но в некоторых случаях выбор в пользу Ланкастеров в 1420 г. был, возможно, обусловлен не слабой верностью Французскому королевству, но скорее чрезмерной – стремление восстановить в нем законность, порядок и нормальное функционирование институтов оказывалось выше преданности династии Валуа⁶⁹. В 1420 г. было в высшей степени неочевидно, кому из двух претендентов на французский трон удастся объединить королевство вокруг себя и под своей властью. В конечном итоге ланкастерский режим не оправдал возлагавшихся на него надежд и потерпел поражение, а те, кто поддерживал его, остались в истории как «лжефранцузы». *Treason doth never prosper: what's the reason?*

Сокращения

AN	Archives Nationales
BL	British Library
BNF	Bibliothèque Nationale de France
ODNB	Oxford Dictionary of National Biography

Список литературы

- Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. [Kalmykova E.V. Obrazy vojny v istoricheskikh predstavlenijah anglichan pozdnego srednevekovja. M.: Kvadriga, 2010].
- Фавье Ж. Столетняя война / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб: Евразия, 2009. [Favier J. La Guerre de Cent Ans / trans. M.Yu. Nekrasov. SPb: Evrazia, 2009].
- Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М.: Логос, 2002. [Tsaturova S.K. Oficery vlasti: Parizhskij Parlament v pervoj treti XV veka. M.: Logos, 2002].
- Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшки-

⁶⁹ Как отмечает С.К. Цатурова, в условиях кризиса начала XV в. верховные ведомства, как в Пуатье, так и в Париже, «...присвоили себе и успешно сыграли роль хранителей законов и прав короны Франции». – Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 194. См. также: *Fiasson D.* Op. cit. P. 66.

- на. М.: ИВИ РАН. 2007. С. 159–180. [Tsaturova S.K. *Tangi du Shatel i uspehnyj zagovor chinovnikov (rytsar' na sluzhbe korone Francii // Chelovek XV stoletija: grani identichnosti / pod red. A.A. Svanidze, V.A. Ved'ushkina. M.: IVI RAN, 2007. S. 159–180].*
- Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М.: Наука, 2012. [Tsaturova S.K. *Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII–XV vekov. M: Nauka, 2012].*
- Allmand C.T.* Henry V. L.: Methuen, 1992.
- Barker J.* Conquest: The English kingdom of France in the Hundred Years war. L.: Abacus, 2009.
- Bonenfant P.* Les Robersart. Seigneurs hennuyers au service des rois d'Angleterre (1326–1450) // Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles: De Boeck Université, 1996. P. 337–348.
- Chronique de Charles VII Roi de France par Jean Chartier / Éd. par [A.] Vallet de Viriville. Nouv. éd. 3 vol. P.: P. Jannet, 1858.
- La Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1444 / Éd. par L. Douet d'Arcq, 6 vols. P.: SHF, 1857–1862.
- Chroniques de Perceval de Cagny / Éd. par H. Moranville. P.: Renouard, 1902.
- Contamine Ph., Bouzy O., Hélyary X.* Jeanne d'Arc. Histoire et Dictionnaire. P.: Robert Laffont, 2012.
- Curry A.* L'administration financière de la Normandie Anglaise: continuité ou changement? // La France des principautés: les chambres des comptes XIVe et XVe siècles / Éd. par Ph. Contamine, O. Mattéoni. P.: Imprimerie Nationale, 1996. P. 83–103.
- Curry A.* The *baillis* of Lancastrian Normandy: 'English men wearing French hats' // The Plantagenet Empire, 1259–1453. Proceedings of the 2014 Harlaxton Symposium / Ed. by P. Crooks, D. Green, W. M. Ormrod. Donington: Shaun Tyas, 2016. P. 359–370.
- Curry A.* Foreign Soldiers in English pay: identity and unity in the armies of the English crown, 1415–1450 // Routiers et mercenaires pendant la guerre de Cent Ans / Ed. by G. Pépin, F. Boutoulle, F. Lainé. Bordeaux: Ausonius P. 305–318.
- Die protokollbücher des ordens vom goldenen vlies. Band 1. Herzog Philipp der Gute 1430–1467 / Ed. S. Dünnebeil. Stuttgart: Jan Thorbecke, 2002.

- Dupont-Ferrier G.* Gallia Regia ou État des Officiers Royaux des Bailliages et des Sénéchaussées de 1328 à 1515, 6 vol. P.: Imprimerie Nationale, 1942–1961.
- Favier J.* Pierre Cauchon: comment on devient le juge de Jeanne d'Arc. P.: Fayard, 2010.
- Fiasson D.* Un chien couché au pied du roi d'Angleterre? Robert Jolivet, abbé du Mont Saint-Michel (1411–1444) // Annales de Normandie. 2014. T. 64. P. 47–72.
- Journal d'un bourgeois de Paris, 1405–1449 / Éd. par A. Tuetey. Paris: H. Champion. 1881.
- Journal du siège d'Orléans 1428–1429 augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville 1429–1431 // Éd. par P. Charpentier, Ch. Cuissar. Orléans: H. Herluison, 1896. P. 4.
- Les grandes traités de la Guerre de Cent Ans / Éd. par E. Cosneau. P.: Alphonse Picard, 1889.
- Newhall R.A.* The English conquest of Normandy 1416–1424: a study in fifteenth century warfare. N.-Y.: Russell & Russell, 1971.
- Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / Éd. par Ch. Potvin. Louvain: P. et J. Lefever, 1878.
- Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vol. P.: l'Imprimerie Royale, 1723–1846.
- Pascual L.D.* Luxembourg, Louis de (d. 1443) // ODNB. Online edn. [Oxford:] Oxford University Press, 22.09.2011. doi: 10.1093/ref:odnb/95142.
- Pascual L.D.* Luxembourg, Jaquetta de, duchess of Bedford and Countess Rivers (c.1416–1472) // ODNB. Online edn. [Oxford:] Oxford University Press, 22.09.2011. doi: 10.1093/ref:odnb/101258.
- Roger J.-M.* Guy Le Bouteillier // La guerre et la paix, frontières et violences au Moyen Âge. Actes du 101e congrès national des sociétés savantes, Lille, 1976. P., 1978. P. 271–331.
- Roger J.-M.* Simon Morhier en Normandie // Bulletin philologique et historique. 1980. P. 101–164.
- Rowe B.J.H.* The Grand Conseil under the duke of Bedford, 1422–35 // Oxford essays in medieval history presented to H. E. Salter. Oxford: Clarendon Press, 1934. P. 207–234.
- Schnerb B.* Morelet de Béthencourt. Service, carrière et délinquance en milieu de cour // Revue du Nord. 2009. N 380. P. 449–472.
- Stratford J.* The Bedford Inventories. The worldly goods of John, duke of Bedford, regent of France (1389–1435). L.: Society of Antiquaries of London, 1993.

Sumption J. The Hundred Years War. Vol. 4. Cursed Kings. L.: Faber & Faber, 2015.

Thompson G.L. Paris and its People under English Rule. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Aleksandr Lobanov

**THESE ARE THE WRONG SORT OF FRENCH! NATIVES
OF FRANCE IN THE SERVICE OF THE LANCASTRIAN
MONARCHY (1417–1450)**

The English successes in the 1410s–1420s after the revival of the Hundred Years war were not only due to their military supremacy but also to the deep political crisis in France which made it possible for the English king to be proclaimed heir to the French throne by the Treaty of Troyes (1420). In the 1420s the English claim to the French throne was able to attract support of some Frenchmen and bring them into the Lancastrian service. The paper looks at some of these so-called '*faux françois*', the Frenchmen who were active in the service of the Lancastrian regime, exploring the routes which brought them into Lancastrian administration, the role played by them in the process of government and their destiny after the Treaty of Arras (1435) broke the Anglo-Burgundian alliance and effectively ruined any chances for the house of Lancaster to unite France under its rule.

Keywords: History of France; Hundred Years War; Lancastrian dynasty; Faux François